

Подгоняемый Мин Цзэ, Гу Янь не стал затягивать с обратным путём и менее чем за полмесяца вернулся в Секту Сяояо.

— Госпожа, молодой господин вернулся! — еще не переступив порог усадьбы, во весь голос объявил Мин Цзэ.

Гу Жуй с супругой спешно направились в главный двор. Хуа Сянжун принялась оглаживать Гу Юаньлиня со всех сторон, убеждаясь, что он выглядит точно так же, как перед уходом, и не лишился ни единого волоска, и лишь тогда успокоилась.

Гу Жуй переживал сильнее всего:

— Юаньлинь, ты видел своего наставника? Что он сказал насчёт твоей зловещей напасти?

Услышав это, Гу Юаньлинь выдавил из себя успокаивающую улыбку:

— Отец, матушка, не переживайте. Наставник сказал, что моё великое испытание в двадцать лет миновало, и с этого дня вам больше не нужно тревожиться обо мне.

— Слава богам! Небеса смилостивились, мой мальчик наконец-то благополучно миновал эту напасть! — услышав эти слова, Хуа Сянжун почувствовала, как камень наконец свалился с её сердца, изменила своему обычному сдержанному поведению и незаметно дала волю слезам.

Гу Жуй торопливо обнял её:

— Жена, к чему же ты плачешь при таких радостных вестях? Ну полно, полно, не плачь, дурная примета.

Наблюдая за их радостью, Гу Янь чувствовал себя не в своей тарелке — он пока не мог признаться, что вовсе не является Гу Юаньлинем, по крайней мере, сейчас это было невозможно.

Еще было неясно, удастся ли настоящему Гу Юаньлиню вернуться, и он не хотел подвергать стариков новому удару.

Не успел он прийти в себя после пережитого, как Хуа Сянжун уже велела Жуй Чжу передать распоряжение: сегодня в Секте Сяояо закатят пышный пир в честь праздника, а кроме того, в городе будут бесплатно раздавать рис бедным в течение трёх дней — в знак благодарности за защиту Будде.

Вот это... поистине роскошный размах! — мысленно изумился Гу Янь.

Он даже немного позавидовал Гу Юаньлиню: в прошлой жизни, заболев, он мог рассчитывать лишь на собственное терпение. Непонятно почему, но в этот миг на душе у него стало чуть теплее.

В ту ночь поместье сияло огнями, гремела музыка, и царило оживление.

Следующие несколько дней в секте только и делали, что встречали и провожали гостей. Ученики один за другим поднимали кубки, желая поздравить Гу Юаньлиня, и пытались напоить его, но в итоге сами свалились под столы.

В прошлом Гу Янь занимался продажами и выпил куда больше алкоголя, чем заработал денег, а здешнее вино было куда слабее крепкого спиртного, так что для него это не составляло никакого труда.

Время летело незаметно, промелькнуло несколько дней, и Гу Юаньлинь исходил весь Город Цинчжоу вдоль и поперёк, отчего камень, давивший на сердце, постепенно растаял.

Жить легко и непринужденно... — он снова вспомнил слова, сказанные ему Су Чжичжоу в тот день.

И верно, начало и конец любой связи — лишь мимолётные гости. Человеческая жизнь длится всего каких-то сто лет, к чему тратить время на неизвестность?

Раз уж меня занесло сюда, начну новую жизнь! Ради себя самого и ради Гу Юаньлиня! — в этот момент Гу Янь окончательно всё для себя решил.

— Что? Ты хочешь отправиться странствовать по миру?

Этой же ночью, когда Гу Юаньлинь объявил о своём желании повидать свет, Гу Жуй чуть не выплюнул только что сделанный глоток чая.

— Э-э... отец, я понимаю, что ты волнуешься, но послушай сначала... — Гу Юаньлинь не успел договорить, как его перебили.

— Как же мне не волноваться? Да что я — твоя матушка с ума сойдёт, когда узнает!

С этими словами он огляделся по сторонам и понизил голос:

— С чего это ты вдруг надумал ввязываться в мир цзянху? Я знаю, что раньше из-за твоей напасти мы с матерью не выпускали тебя из дома. Теперь угроза миновала, и в твои годы вполне естественно желать повидать мир, но я боюсь, что матушка не отпустит тебя от себя, она вряд ли согласится...

— Потому я и пришёл посоветоваться с отцом, — Гу Юаньлинь подлил ему ещё полчашки чая.
— Я знаю, что из-за меня вы с мамой дрожали от страха целых двадцать лет, и сейчас я должен проявлять сыновнюю заботу у вашего очага, а не заставлять вас снова переживать.

Но пережив всё это, я многое понял. Жизнь непостоянна: последние двадцать лет воля небес держала меня взаперти. В оставшиеся дни я хочу побывать там, куда раньше не доводилось попасть. Увидеть бескрайние горы и широкие моря, ощутить вольный дух цзянху — испытать это хоть раз, чтобы прожить жизнь не зря.

Прекрасно сказано — бескрайние горы, широкие моря и вольный дух цзянху! Наш Юаньлинь и вправду вырос, — раздался звонкий голос, и в комнату вошла Хуа Сянжун.

Гу Юаньлинь виновато покосился на неё и заметил, что на её лице нет и следа гнева — лишь радость и умиление.

— Жена, как ты тут оказалась? Ты... всё слышала?

— Да, слышала каждое слово, от начала и до конца.

Хуа Сянжун бросила строгий взгляд на Гу Жую.

Они переглянулись. Гу Жуй лишь пожал плечами, давая понять, что ничем не может помочь — разбирайся, мол, сам.

Похоже, от этого отца толку никакого, мысленно вздохнул Гу Юаньлинь.

— Мам, я...

— Больше ничего не говори, я всё понимаю, — Хуа Сянжун перервала его на полуслове.

Юаньлинь, ты уже взрослый, у тебя есть собственные мысли на многое. Мы с отцом уважаем твои мысли и верим в твой выбор. Ступай. Тебе не пристало томиться в тесных стенах, перед тобой лежит твой собственный широкий мир.

Услышав это, Гу Юаньлинь почувствовал, как у него защипало в глазах. Не зная, что ответить, он крепко обнял Хуа Сянжун и только повторял:

— Спасибо, матушка.

— Ай да мальчишка, только что хвалила тебя за взрослость, а ты опять за своё...

Три дня спустя Гу Юаньлинь собрался в дорогу.

— Молодой господин, вы действительно не возьмёте меня с собой? — хотя Юаньлинь наотрез отказался брать Мин Цзэ в спутники, тот всё ещё не оставлял надежды передумать его.

— Мин Цзэ, побудь дома, присмотри за моим отцом и матерью. Мир цзянху полон опасностей, тебе не стоит ехать со мной, — Гу Юаньлинь казался совершенно слепым к чувствам своего верного слуги.

— Слушаюсь, — в глазах Мин Цзэ мелькнула тень одиночества. Раньше Гу Юаньлинь не расставался с ним ни на шаг, а теперь его вот так просто оставляли позади, и на сердце стало тоскливо.

Хуа Сянжун собрала сыну в дорогу дорожную суму и вручила прямой меч. Оружие это было подарком от Су Чжичжоу, звалось Суйсин и было выковано из упавшей с небес звезды, отличаясь невероятной прочностью.

В поклаже лежит пара наших особых сигнальных огней Секты Сяояо. Если вдруг попадёшь в беду, просто зажги их, и союзники нашей секты придут на помощь, запомни это.

— Хорошо, я понял, матушка.

Гу Жуй тоже поспешил дать наставления:

— И ещё кое о чём нужно помнить. Недавно до меня дошли слухи, что в цзянху объявился некий комплекс боевых искусств под названием Канон Печали и Разлуки, наделавший немало шуму. Наша Секта Сяояо всегда придерживалась праведного пути и не встревала в междоусобицы сект, так что остерегайся ввязываться в это дело, чтобы избежать беды.

— Не беспокойтесь, отец, матушка, я позабочусь о себе, за меня не тревожьтесь.

С этими словами Гу Юаньлинь вскочил в седло, и вскоре его фигура скрылась из виду.

— Город Цинчжоу всегда стоял в стороне от мирской суеты, но слухи об этом Каноне Печали и Разлуки долетели и до нас. Страшно представить, как за него дерутся остальные секты, — с беспокойством произнесла Хуа Сянжун.

— Всё ради места предводителя Союза Улинь. Но наша Секта Сяояо не участвует в борьбе и ни к кому не присоединяется, так что тебе незачем излишне тревожиться, — хотя Гу Жуй говорил это вслух, на душе у него скребли кошки: во благо ли обернётся эта поездка для мальчика или во вред?

— Боюсь лишь, что деревья хотят покоя, да ветер не даёт, — тихо вздохнула Хуа Сянжун, надеясь, что она просто накручивает себя.

Город Силинь, оживленная улица.

— Стоять! Кого я сказал, держите его, грабят! — во всю мочь орал бегущий мужчина лет тридцати.

Впереди него, прижимая к груди узелок, со всех ног петлял по толпе оборванец лет двадцати на вид.

Мелкий воришка явно промышлял этим не впервые и двигался невероятно проворно. Мужчина никак не мог за ним поспеть, расстояние между ними увеличивалось, но погоню он не бросал.

Заметив, что преследователь не отстаёт, оборванец прибавил шаг, резко свернул и сбил с ног торговую тележку. Стоявшая в упряжке лошадь испугалась, вырвала поводья и бешено помчалась по улице.

Люди бросились врассыпную. Лошадь неслась прямо на плачущую девочку в лохмотьях, которая от страха лишилась чувств и застыла на месте.

Толпа ахнула в предчувствии беды, но в ту же секунду — быстрее, чем можно моргнуть, — юноша в чёрных одеждах стремительно бросился вперед, кувыркком выхватив ребёнка из-под лошадиных копыт. Одной рукой он ухватился за поводья, осаживая взбесившееся животное, а затем взмыл в воздух ласточкой и легко опустился прямо на конскую спину.

— Но-о! — вскинув передние копыта и сделав пару кругов, конь наконец подчинился твердой руке юноши. Всё произошло в одно мгновение, выдавая превосходное владение лёгкостью у этого парня.

— Славный молодой герой! И годами зелен, и мастерством искусен, поистине достойная смена растёт!

Со всех сторон зазвучали восторженные аплодисменты и похвалы.

Этим юношей в черном был не кто иной, как Гу Юаньлинь.

Покинув Город Цинчжоу, он не имел определенной цели и просто колесил по окрестностям, пока не добрался до ближайшего к Цинчжоу Города Силинь. Стоило ему присесть в придорожном навесе выпить чаю, как разыгралась эта сцена с уличной кражей.

Услышав похвалы толпы, Гу Юаньлинь не возгордился — в его глазах мелькнула лишь горькая

усмешка: чужая ли это заслуга, чем тут хвастаться?

Он слегка кивнул людям, перекинул длинную ногу и лихо спрыгнул на землю.

— Каков молодец! Свеж, как бутон, и стремителен, как ветер! — не удержался от восторженного шёпота молодой человек в белых одеждах неподалеку, ощутив легкий укол восхищения.

Стоило рукоплесканиям стихнуть, как чей-то голос звонко воскликнул:

— Верно, а где же воришка?!

Тут толпа вспомнила про оборванца. Люди обернулись и увидели, как тот самый светловолосый юноша, что секунду назад тихо рассыпался в похвалах, мимоходом пнул валявшийся у дороги камушек. Камень угодил воришке прямо под ноги, и тот рухнул на мостовую, истошно завопив.

— Какая стремительная техника! — не сдержал похвалы Гу Юаньлинь.

Потерпевший, вернувший свой кошель и поймавший вора, рассыпался в благодарностях перед обоими героями, едва ли не плача от избытка чувств.

— Не стоит об этом, — вежливо отозвался юноша в белом.

— Пустяки, сущая мелочь, пустая трата времени. Давайте-ка лучше сдадим этого воришку властям, — Гу Юаньлинь поморщился и потер плечо, выражение его лица стало немного неестественным.

После этого зеваки разошлись, и спустя мгновение на улице остались лишь двое молодых людей. Только теперь Гу Юаньлинь смог как следует разглядеть незнакомца в белом.

Тот был строен и высок, одет в белые шелковые одежды, на талии красовался длинный белый пояс с кистями и зафрированным куском бараньего жира — чистейшего нефритового оттенка, выдававшего в нем человека изысканного. Длинные угольно-черные волосы были забраны в нефритовый венец, черты лица благородны, глаза напоминали весеннюю воду, усыпанную звездами, а сам он излучал мягкое, теплое тепло без малейшей ледяной отстраненности. В руке он сжимал серебристо-белый меч, правда, на вид довольно простецкий — казалось, такое оружие не совсем подходит его владельцу.

— Привет, я Гу Юаньлинь, а тебя как звать? — Гу Юаньлинь спешил завести знакомство и от волнения выпалил фразу на манер человека из двадцаткой первого века. Сказав это, он смущенно потрепал себя по волосам и неловко усмехнулся.

Юноша в белом слегка растерялся, в его расслабленных глазах промелькнуло удивление, но тут же исчезло.

— Мое имя Юнь И, — слегка улыбнулся он. Улыбка эта напомнила легкий весенний ветерок, колыхнувший гладь озера и пустивший по ней круги — приветливая донельзя, без единой капли насмешки.

— Брат Юнь, ты одним броском камня уложил вора, мастерство твоё поистине поражает, у кого же ты учился? — Гу Юаньлинь, сначала пораженный увиденным боевым искусством, а затем заметивший, что незнакомец ровесник ему самому, почувствовал, как в груди поднимается радость.

— Полноте, я всего лишь перенял кое-какие азы у отца, хвастать тут нечем. А вот движения брата Гу были столь стремительны и точны, что вызвали искреннее восхищение.

Из уст кого-то другого это прозвучало бы банальной лестью, но от Юнь И Гу Юаньлинь услышал лишь абсолютную искренность.

— Что ты, брат Юнь перехваливает меня, — заметив одеяния и выучку Юнь И, Гу Юаньлинь сразу понял, что тот владеет грозным искусством и никак не принадлежит к мелким сектам. Но раз Юнь И не спешил распространяться о себе, он не стал допытываться — в конце концов, сам-то он тоже умолчал о Секте Сяояо.

— Брат Юнь, раз мы так схожи характерами, не сменить ли нам место для беседы?

— С радостью! — охотно и с улыбкой согласился Юнь И.

<http://bllate.org/book/21865/2269489>